

М. Н. Столяровъ.

Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи А. С. Пушкина.

Прочитано въ засѣданіи Учено-Литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 23 мая 1899 года.

Юрьевъ.

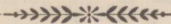
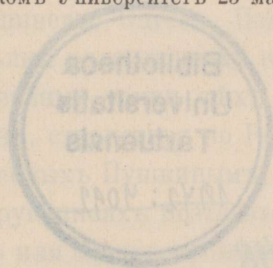
Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

М. Н. Столяровъ.

Старый Дерптъ въ жизни и поэзиі А. С. Пушкина.

Прочитано въ засѣданіи Учено-Литературнаго общества при Импера-
торскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 23 мая 1899 года.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

М. Н. Стояновъ.

Старый Девятъ въ жизни и

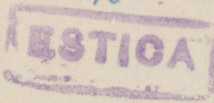
Поэзия А. С. Пушкина.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Т. II.

Est.

7848

A-97557

Юрьевъ.

Издано въ типографіи К. Маттеуса.

1899.

Въ седьмой главѣ „Евгенія Онѣгина“ Пушкинъ назвалъ свою судьбу „блуждающей“, и дѣйствительно, мы видимъ великаго поэта почти постоянно кочующимъ. Москва, Царское Село, село Михайловское, С.-Петербургъ, Екатеринославъ, Пятигорскъ, Крымъ, Кишиневъ, Одесса, Псковъ, Эрзерумъ, Болдино, Оренбургъ и цѣлый рядъ другихъ географическихъ пунктовъ составляютъ главныя точки тѣхъ зигзаговъ, которые описывалъ Пушкинъ, странствуя по Россіи. Большая часть мѣстностей, посѣщенныхъ Пушкинымъ, оставили слѣды не только въ черновыхъ рукописяхъ поэта въ видѣ помѣтокъ о томъ, гдѣ написано то или другое произведеніе, не только на заголовкахъ его писемъ, но и въ художественныхъ созданіяхъ. По стихотвореніямъ Пушкина можно составить любопытную географію Европейской Россіи и Кавказа, куда войдутъ описанія цѣлаго ряда городовъ, рѣкъ, народностей и т. д. Благодаря именно этому обстоятельству уже начавшееся чествованіе памяти великаго поэта во многихъ городахъ Россіи будетъ имѣть не только обще-національный, но и мѣстный характеръ, что, безспорно, увеличитъ самую торжественность и сердечность этихъ празднествъ. Какіе бы подчасъ непривлекательные эпитеты ни вырывались у Пушкина по адресу того или другого города, эти эпитеты лучше всего знаютъ на мѣстѣ, этими эпитетами гордятся,

какъ свидѣтельствомъ о болѣе или менѣе кратковременномъ пребываніи великаго поэта въ извѣстномъ городѣ.

Нашъ Юрьевъ въ этомъ отношеніи несчастнѣе очень многихъ городовъ и даже селеній Россіи: Пушкинъ въ немъ не былъ даже проѣздомъ. Правда, въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина“, изданныхъ Анненковымъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, говорится, что, получивъ 12 августа 1833 года разрѣшеніе на поѣздку въ юго-восточную Россію, Пушкинъ началъ свое путешествіе, кажется, съ Дерпта, гдѣ тогда жила К. А. Карамзина“ (с. 362); но изъ писемъ поэта къ своей женѣ мы знаемъ, что Пушкинъ отправился изъ Петербурга прямо въ Москву, хотя, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе заѣхать въ Дерптъ къ Карамзинымъ ¹⁾. „Софья Николаевна (дочери исторіографа) объясни, — пишетъ Пушкинъ женѣ изъ Болдина 8 октября, — что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишніяхъ 500 верстъ. А не писалъ имъ, полагая все пріѣхать.“

Но если нашъ городъ и не можетъ гордиться тѣмъ, что имѣлъ счастье принимать величайшаго русскаго поэта, то все-таки старый Дерптъ играетъ немаловажную роль въ жизни Пушкина и даже въ его поэзіи.

9 августа 1824 года Пушкинъ былъ водворенъ въ родовомъ имѣніи своей матери, знаменитомъ селѣ Михайловскомъ, Псковской губерніи, и отданъ подъ надзоръ полиціи. Подневольное существованіе, скука одиночества, недостатокъ образовательныхъ средствъ для человѣка, желающаго „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“, наконецъ, безобразныя столкновенія съ отцомъ, одно изъ которыхъ заставило пылкаго поэта обратиться къ Жуковскому съ такой мольбой: „спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ,“ — всѣ эти невыносимыя для свободолюбиваго

1) Въ Дерптскомъ университетѣ въ это время учились сыновья исторіографа.

поэта условія заставили его помышлять о спасеніи посредствомъ бѣгства за границу.

Мысль объ эмиграціи впервые явилась у Пушкина еще на югѣ Россіи, во время пребыванія въ Одессѣ.

Придетъ ли часъ моей свободы?
спрашиваетъ Пушкинъ въ I главѣ „Евгенія Онѣгина“.

Пора, пора! — взываю къ ней;

Брожу надъ моремъ, жду погоды,

Маню вѣтрила кораблей.

Подъ ризой бурь съ волнами споря,

По вольному распутью моря

Когда-жъ начну я вольный бѣгъ?

Пора покинуть скучный берегъ

Мнѣ непріязненной стихіи,

И средь полуденныхъ зыбей,

Подъ небомъ Африки моей,

Вздыхать о сумрачной Россіи,

Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,

Гдѣ сердце я похоронилъ . . .

О своемъ намѣреніи эмигрировать изъ Одессы писалъ Пушкинъ и брату: „Ты знаешь, я дважды просилъ . . . о своемъ отпускѣ и два раза воспослѣдовалъ все милостивѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на его имя: такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежь. *Ubi bene, ibi patria.* А мнѣ *bene* тамъ, гдѣ растетъ триньтрава, братцы!“ Любовь и болѣе прозаическая причина — недостатокъ денегъ — помѣшали Пушкину привести въ исполненіе, можно сказать, завѣтную мечту своей молодости. Прощаясь съ моремъ передъ отъѣздомъ изъ Одессы, въ известной элегіи „Къ морю“ поэтъ не позабылъ высказать сожалѣніе и о томъ, что ему не удалось покинуть Россіи.

Не удалось навѣкъ оставить
 Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
 Тебя восторгами поздравить
 И по хребтамъ твоимъ направить
 Мой поэтическій побѣгъ.
 Ты ждалъ, ты звалъ . . . я былъ окованъ;
 Вотще рвалась душа моя:
 Могучей страстью очарованъ,
 У береговъ остался я.

Водворенный въ Михайловскомъ, Пушкинъ не замедлилъ возобновить знакомство съ П. А. Осиповой, владѣлицей сосѣдняго сельца Тригорскаго, и съ ея семействомъ, въ томъ числѣ съ ея сыномъ отъ перваго брака А. Н. Вульфомъ, студентомъ Дерптскаго университета. Знакомство съ Вульфомъ скоро перешло въ тѣсную дружбу, и съ нимъ подѣлился Пушкинъ своей завѣтной мечтой. Молодой другъ поэта предложилъ ему свои услуги, и въ результатѣ явился такой планъ: Пушкинъ, сославшись на предполагаемую болѣзнь, аневризмъ въ ногѣ, выхлопочетъ позволеніе отправиться въ Дерптъ къ знаменитому въ то время дерптскому хирургу Мойеру, а изъ Дерпта уѣдетъ за границу. Мать поэта обратилась къ самому императору Александру I съ просьбой о дозволеніи сыну съѣздить въ Дерптъ; благодаря Жуковскому, Мойеръ изъявилъ полную готовность позаботиться о Пушкинѣ. Дѣло было налажено хорошо. Поэтъ почти не сомнѣвался въ успѣхѣ своего замысла и собирался трактовать съ братомъ о перепискѣ, о банкирѣ, черезъ котораго можно было бы пересылать деньги за границу, и о мѣстѣ пребыванія Чаадаева, бывшаго въ то время въ Западной Европѣ. 25 іюня 1825 г. Пушкинъ писалъ въ альбомъ П. А. Осиповой:

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
 Въ изгнаньѣ мирномъ оставаться,

Вздыхать о милой старинѣ
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Но всѣ надежды Пушкина разсѣялись, какъ дымъ, когда онъ получилъ позволеніе (отъ 26 іюня 1825 г.) — ѣхать для лѣченія не въ Дерптъ, а въ Псковъ. Отвѣтомъ на это разрѣшеніе было ѣдкое письмо Пушкина, адресованное Жуковскому. „Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно . . . Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволода, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей. Не смотря на все это я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность его величества. Боюсь, чтобъ медленность мою пользоваться монаршею милостью не почли за небреженіе или возмутительное упрямство, — но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность? Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ не думавъ о своемъ аневризмѣ, не вижу причины вдругъ о немъ расхлопотаться. Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца императора, авось-либо позволить онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лекаря по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства“.

Между тѣмъ обезпеченная мать Пушкина и Жуковскій вели переговоры съ Мойеромъ, упрасивая его пріѣхать въ Псковъ. Узнавъ объ этомъ, Пушкинъ пришелъ въ ужасъ, что почтенный ученый будетъ оторванъ отъ своихъ занятій и совершить утомительное путешествіе только для того, чтобы увидѣть передъ собой совершенно здороваго человѣка. „Сейчасъ получено мною извѣстіе, — писалъ Пушкинъ Мойеру 29 іюня 1825 г., — что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣнія,

что вы согласитесь, но умоляю васъ, ради Бога, не прїѣзжайте и не беспокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобы отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопробыванія. Благодареніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственный вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца. Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее уваженіе, какъ человѣку знаменитому и другу Жуковскаго.“

Между тѣмъ Пушкинъ узналъ, что за Мойеромъ была послана уже коляска въ Дерптъ. Это извѣстіе вызвало слѣдующее письмо къ Вульффу уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ: „Друзья мои и родители вѣчно со мной проказятъ: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ прїѣхалъ и опять уѣхалъ, и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. Вразумите его. Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться“. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Вульффу уже въ октябрѣ мѣсяцѣ Пушкинъ писалъ своему другу въ Дерптъ: „почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца; вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь; но повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лѣчиться я не намѣренъ“. Жуковскому же относительно Мойера Пушкинъ писалъ: „я не довольно богатъ, чтобы выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лѣчиться не намѣренъ“. Въ томъ же самомъ письмѣ отъ 6 октября Пушкинъ сообщалъ о своей поѣздкѣ въ Псковъ и о томъ, что псковскій губернаторъ обѣщалъ довести до свѣдѣнія государя, что лѣчиться поэту въ Псковѣ невозможно. „Итакъ погодимъ, — говоритъ Пушкинъ, — авось либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу“.

Такимъ образомъ, Пушкину не удалось посѣтить Дерптъ и уѣзжать оттуда за границу при посредствѣ дерптскаго

студента и дерптскаго профессора. Мы можемъ только порадоваться, что нашему городу не суждено было сыграть въ жизни Пушкина такой-же фатальной роли, какъ въ жизни князя А. М. Курбскаго. Какъ ни проклиналъ Пушкинъ родину въ тяжелыя минуты своей жизни, какъ ни стремился онъ вырваться за границу и въ царствованіе императора Николая I, — нашъ великій поэтъ былъ патриотомъ еще до примиренія съ молодымъ царемъ. „Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ, — писалъ онъ князю П. А. Вяземскому изъ Пскова въ началѣ іюня 1826 г., — но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мной это чувство.“ Вражда Западной Европы къ Россіи, съ особенною силою проявившаяся въ царствованіе императора Николая I и вызвавшая въ послѣдствіи негодующій протестъ Пушкина въ его одахъ: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, безъ сомнѣнія, отравила бы его пребываніе за границей. Пушкинъ-эмигрантъ, безъ сомнѣнія, былъ бы несчастнѣе Пушкина-камеръ-юнкера. Самъ поэтъ въ послѣдствіи созналъ безразсудство своей юношеской мечты и, обращаясь неоднократно съ просьбой о заграничномъ отпускѣ, никогда, насколько извѣстно, не допускалъ и мысли о нелегальномъ отъѣздѣ въ Западную Европу. Въ минуты раздраженія изъ-подъ пера Пушкина вылетали фразы въ родѣ такой: „чортъ догадалъ меня родиться съ умомъ и талантомъ въ Россіи“; но въ одну изъ болѣе спокойныхъ минутъ онъ писалъ Чаадаеву 19 октября 1836 года: „Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель — я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предрасудками — я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ.“

Мы можемъ радоваться за Пушкина не только какъ за человѣка, но и какъ за писателя. Пребываніе за границей,

вдали отъ живыхъ впечатлѣній русской жизни, безспорно, неблагопріятнымъ образомъ отразилось бы и на творествѣ нашего великаго поэта. Наконецъ, мы должны радоваться и за Россію. Даже если допустить, что и за границей Пушкинъ сумѣлъ бы создать великія національныя произведенія, подобно Гоголю, написавшему „Мертвыя Души“ въ Римѣ, и Мицкевичу, создавшему „Пана Тадеуша“ въ Парижѣ, — то трудно было надѣяться, чтобы пылкая натура поэта, не сдерживаемая строгою цензурой правительства или друзей, удержалась отъ такихъ выходовъ по адресу русскаго правительства, которыя надолго преградили бы доступъ произведеніямъ Пушкина въ Россію и сдѣлали бы его „запрещеннымъ писателемъ“. Больше всего и прежде всего пострадала бы отъ этого, конечно, русская школа, въ которой Пушкинъ вмѣстѣ съ Крыловымъ являются незамѣнимыми педагогами.

Смерть императора Александра I положила конецъ мечтамъ Пушкина о бѣгствѣ за границу, но тяготѣніе великаго поэта къ Дерпту не прекратилось. Его влекли туда и дружба съ Вульфомъ и желаніе познакомиться съ Языковымъ, учившимся въ то время въ Дерптскомъ университетѣ. Уже черезъ мѣсяць съ небольшимъ послѣ водворенія въ селѣ Михайловскомъ Пушкинъ пишетъ Вулфу въ Дерптъ 20 сентября 1824 г. слѣдующее посланіе :

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!

Пріѣзжай сюда зимой,

Да Языкова поэта

Затащи ко мнѣ съ собой

Погулять верхомъ порой,

Пострѣлять изъ пистолета.

Лайонъ, мой курчавый братъ

(Не Михайловскій прикащикъ),

Привезетъ намъ, право, кладъ!

Что — бутылочъ полный ящикъ.

Запируемъ — ужь молчи!
 Чудо — жизнь анахорета!
 Въ Троегорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта;
 Дни — любви посвящены,
 Ночью — царствуютъ стаканы;
 Мы же — то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками. — Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо.“ Въ слѣдующихъ письмахъ къ Вульффу мы находимъ цѣлый рядъ упоминаній о Языковѣ, изъ которыхъ видно сильное желаніе Пушкина познакомиться съ „огненнымъ поэтомъ“ и глубокой интересъ къ его произведеніямъ. Пушкинъ шлетъ Языкову поклонны, хвалить его стихотворенія, дорожить даже пропущеннымъ при перепискѣ его стихомъ, просить новыхъ его стихотвореній и т. д. Наконецъ въ 1825 г. Пушкинъ посылаетъ въ Дерптъ извѣстное свое посланіе „Языкову“:

Издревле сладостный союзъ
 Поэтовъ межъ собой связуетъ —
 Они жрецы единыхъ музъ,
 Единый пламень ихъ волнуетъ;
 Другъ другу чужды по судьбѣ,
 Они родня по вдохновенью.
 Клянусь Овидіевой тѣнью:
 Языковъ, близокъ я тебѣ!
 Давно бѣ на дерптскую дорогу
 Я вышелъ утренней порой,
 И къ благосклонному порогу
 Понесъ тяжелый посохъ мой,
 И возвратился бѣ оживленный
 Картиной беззаботныхъ дней,
 Бесѣдой вольно-вдохновенной

И звучной лирою твоей.
 Но злобно мной играетъ счастье:
 Давно безъ крова я ношусь,
 Куда подуетъ самовластье:
 Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь,
 Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ
 Влачу закованные дни.
 Услышь, поэтъ, мое призванье,
 Моихъ надеждъ не обмани . . .
 Я жду тебя. Тебя со мною
 Обниметь въ сельскомъ шалашѣ
 Мой братъ по крови, по душѣ,
 Шалунъ, замѣченный тобою;
 И музъ возвышенный пророкъ,
 Нашъ Дельвигъ все для насъ оставить,
 И наша троица прославить
 Изгнанья темный уголокъ.
 Надзоръ обманемъ караульный,
 Восхвалимъ вольности дары
 И нашей юности разгульной
 Пробудимъ шумные пиры,
 Вниманье дружное преклонимъ
 Ко звону рюмокъ и стиховъ,
 И скуку зимнихъ вечеровъ
 Виномъ и пѣснями прогонимъ.

Совершенно иначе относился къ Пушкину Языковъ до своего личнаго знакомства съ нимъ. Подъ вліяніемъ профессора русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ Перевощикова и съ высоты нѣмецкой литературы, которую изучалъ въ Дерптѣ Языковъ, онъ относился къ Пушкину довольно пренебрежительно. Познакомившись съ „Бахчисарайскимъ фонтаномъ“ въ неудовлетворительномъ спискѣ, Языковъ писалъ брату: „эта поэма едва ли не худшая изъ всѣхъ его прежнихъ“. Когда была

напечатана первая глава „Евгенія Онѣгина“, Языковъ писалъ изъ Дерпта: „Онѣгинъ мнѣ очень, очень не понравился! Думаю, что это самое худое изъ произведеній Пушкина“. Относительно второй главы романа Языковъ писалъ: „Я читалъ вторую главу „Онѣгина“ въ рукописи — не лучше первой! То-же отсутствіе вдохновенія, та-же риемованная проза. Вотъ кого должны уважать мы на безлюдьи!“ „Но особенно неблагосклонно — говоритъ г. Шенрокъ — отнесся Языковъ къ невинному фарсу, разыгранному Пушкинымъ по поводу мнимаго аневризма въ ногѣ. Странно видѣть, до какого ригоризма доходилъ Языковъ, возмущавшійся со стороны Пушкина необдуманнѣмъ безпокойствомъ Мойера изъ-за небывалой болѣзни“¹⁾. Кромѣ того смущало Языкова и то обстоятельство, что Пушкинъ находился подъ надзоромъ полиціи. Вотъ почему Языковъ не пріѣхалъ изъ Дерпта въ Тригорское ни въ 1824, ни въ 1825 г., не смотря на неоднократныя приглашенія Пушкина и П. А. Осиповой. Только въ 1826 г. явился Языковъ въ Тригорское, послѣ того, какъ Пушкинъ написалъ Вульффу: „Не правда ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго (Н. М. Языкова)? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи“.

Личное знакомство съ Пушкинымъ, во время пребыванія въ Тригорскомъ съ 10 іюня по 1 августа, кореннымъ образомъ измѣнило отношеніе Языкова къ своему великому современнику. По возвращеніи въ „градъ профессоровъ и скуки“ онъ написалъ разнымъ лицамъ рядъ стихотворныхъ и прозаическихъ посланій, въ которыхъ говоритъ о Пушкинѣ и о времени, проведенномъ съ нимъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. „Я вопрошалъ совѣсть мою, — писалъ поэтъ изъ Дерпта Вульффу въ февралѣ 1827 г., — и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго, красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и

1) „Вѣстникъ Европы“ 1897 года, ноябрь, сс. 163—164.

достоинѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца, нежели лѣто 1826 года!“

Тотчасъ по возвращеніи въ Дерптъ Языковъ написалъ Пушкину слѣдующее посланіе:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣ дѣвицы пригожей,
Святѣ всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознамену
Тѣ достохвальныя края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы — ты да я —
Два сына Руси православной
Два первенца полночныхъ музъ,
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ, и т. д.

Эту „годину золотую“ Языковъ „ознаменовалъ“ въ знаменитомъ стихотвореніи „Тригорское“, гдѣ между прочимъ говорится и о совмѣстной жизни поэтовъ на лонѣ природы.

Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говорить поэтъ?
Жрецы великаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ живы, пламенны ихъ чувства,
Какъ полноувѣсны ихъ слова!
Какъ быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ! и т. д.

Въ 1827 г. Языковъ писалъ Вульфу изъ Дерпта:

Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ,
 Все свято: Пушкинъ, ты да я —
 Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
 Мы пили нѣгу бытія!

Въ томъ же году въ одномъ изъ посланій П. А. Осиповой, вспоминая о пріѣздѣ Пушкина въ Тригорское, Языковъ называетъ его поэтомъ, совмѣстившимъ геній Вольтера, Гете и Расина¹⁾. Наконецъ, Языковъ почтилъ и няню Пушкина, знаменитую Арину Родіоновну, специальнымъ поэтическимъ посланіемъ, также написаннымъ въ Дерптѣ, и кромѣ того написалъ элегію по случаю ея смерти.

Пушкинъ не оставался въ долгу передъ дерптскимъ пѣвцомъ и на его восторженные посланія отзывался также и стихотвореніями и письмами, адресованными въ Дерптѣ. 9 ноября 1826 г., по возвращеніи изъ Москвы въ село Михайловское, Пушкинъ благодарилъ Языкова за „Тригорское“ и между прочимъ писалъ: „Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія. Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная.“ Въ томъ же году на посланіе Языкова онъ отвѣтилъ стихотвореніемъ

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
 Твое посланье удалое?
 Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
 Какой избытокъ чувствъ и силъ,
 Какое буйство молодое! и т. д.

1) Заморской шляпою покрытый,

Спѣша въ Тригорское, одинъ —

Вольтеръ и Гете и Расинъ —

Являлся Пушкинъ знаменитый.

Въ слѣдующемъ году, 14 іюня 1827 г., уже изъ Петербурга Пушкинъ отправилъ Языкову третье свое поэтическое посланіе въ Дерптъ.

Къ тебѣ собирался я давно
 Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
 Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
 Тобой воспѣтое вино.
 Ужъ зазывалъ меня съ собою
 Тобой воспѣтый Киселевъ ¹⁾,
 И я съ веселою душою
 Оставить былъ совсѣмъ готовъ
 Неволю нескихъ береговъ.
 И что жъ? Гербовыя заботы
 Схватили за полы меня,
 И на Невѣ, хоть нѣтъ охоты,
 Прикованный остался я.
 О юность, юность удалая!
 Могу-ль тебя не пожалѣть?
 Въ долгахъ, бывало, утопая,
 Займодавцевъ убѣгая,
 Готовъ былъ всюду я летѣть.
 Теперь докучно посѣщаю
 Своихъ лѣнивыхъ должниковъ;
 Остепенившись, проклиная
 Я тяжесть денегъ и годовъ.
 Прости, пѣвецъ, играй, пируй,
 Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
 Не знай сіятельнаго чванства,
 Не знай любезныхъ должниковъ
 И не плати своихъ долговъ
 По праву русскаго дворянства! ²⁾

1) Николай Дмитріевичъ Киселевъ — студентъ Дерптскаго университета, впоследствии русскій посолъ въ Парижъ и Римъ.

2) Дальнѣйшая исторія отношеній Пушкина и Языкова, очень характерная для послѣдняго, не имѣетъ связи съ Дерптомъ. Позволю

Говоря о попыткѣ Пушкина бѣжать черезъ Дерптъ за границу и о дружбѣ Пушкина съ Языковымъ, сдѣлавшей Дерптъ мѣстомъ, гдѣ писались одно время диѳирамбы великому поэту и куда самъ Пушкинъ посылалъ свои поэтическія и прозаическія посланія, — я неоднократно упоминалъ имя Вульфа. Этотъ представитель русской національности, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, — является довольно интересной личностью и помимо дружескихъ отношеній къ нему Пушкина и Языкова. „Академическій альбомъ“ Дерптскаго университета сообщаетъ о Вульфѣ очень немного: родомъ изъ Пскова, родился въ 1805 г., изучалъ военныя науки съ 1822 по 1825 г., кончилъ курсъ кандидатомъ, дослужился въ военной службѣ до чина полковника, умеръ въ 1851 г. 1). Но помимо этихъ официальныхъ и не во всемъ вѣрныхъ свѣдѣній, мы знаемъ Вульфа, во первыхъ, по цѣлому ряду посвященныхъ ему Языковымъ стихотвореній, гдѣ между прочимъ Вульфъ называется „проповѣдникомъ и героемъ академической свободы“. Затѣмъ изъ рассказовъ покойнаго Семеваго, по-

себѣ отмѣтитъ, что въ то время, какъ Языковъ съ Дельвигомъ и Баратынскимъ составляли для Пушкина, по выраженію Анненкова, „плеяду, поставленную имъ почти въ всякой возможности суда, а еще мевѣ, какого-либо осужденія,“ — авторъ „Тригорскаго“ въ тридцатыхъ годахъ позволялъ себѣ такіе же неодобрительные отзывы о Пушкинѣ, какъ и прежде, до личнаго съ нимъ знакомства. „Повѣсти Бѣлкина“, за исключеніемъ „Выстрѣла“ и „Барышни-крестьянки“, по мнѣнію Языкова, „не стоятъ письма, а тѣмъ паче — печати.“ Сказки Пушкина, по отзыву Языкова, „далеко отстали отъ (сказокъ) Жуковскаго“. Относительно „Бориса Годунова“ Языковъ писалъ брату: „Пушкинъ издалъ его слишкомъ и слишкомъ поздно. Добро бы хоть въ эти пять лѣтъ поправлялъ его, а то все прежнее и все не то, чего ожидать слѣдовало.“ При такомъ отношеніи къ Пушкину не удивительно, что Языковъ встрѣтилъ извѣстіе о смерти великаго поэта довольно сдержанно. Въ то время, какъ Жуковский, Гоголь, Лермонтовъ, Марлинскій, Вяземскій, Губеръ, Кольцовъ и цѣлый рядъ другихъ русскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ оплакали смерть Пушкина, какъ національное и личное горе, отъ Языкова остались слѣдующія строки въ письмѣ изъ симбирской деревни: „И здѣсь надѣлала много шуму смерть Пушкина, столь жалко погибшаго отъ руки подлаго нѣмчурки.“

1) На самомъ дѣлѣ, Вульфъ умеръ въ селѣ Тригорскомъ въ 1881 г.

сѣтившаго въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ село Тригорское, мы знаемъ, что Вульфъ, будущій гусарь русской службы, а впослѣдствіи, кажется, предводитель дворянства Тверской губерніи, — во дни своего студенчества мечталъ объ объединеніи Германіи и былъ однимъ изъ немногихъ дерптскихъ членовъ буршенштафта¹⁾. Далѣе, опубликованные недавно академикомъ Л. Н. Майковымъ отрывки изъ дневника Вульфа²⁾ показываютъ, что ихъ автора должно присоединить къ числу образованныхъ людей своего времени въ полномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, въ записной книжкѣ Пушкина отъ 1831 г. осталась слѣдующая замѣтка: „Въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ. Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ.“ Студентъ этотъ былъ А. Н. Вульфъ, которому суждено, было сдѣлаться, до нѣкоторой степени, оригиналомъ для одного изъ симпатичнѣйшихъ поэтическихъ образовъ, созданныхъ Пушкинымъ.

Извѣстно, что, живя въ селѣ Михайловскомъ, Пушкинъ между прочимъ написалъ большую часть „Евгенія Онѣгина“, и что жизнь Онѣгина въ деревнѣ до мельчайшихъ подробностей напоминаетъ жизнь Пушкина въ псковской деревнѣ, о чемъ мы имѣемъ свидѣтельство самого поэта.³⁾ Однимъ изъ занятій Онѣгина въ деревнѣ, какъ мы знаемъ изъ II главы романа, были долгіе споры съ Ленскимъ.

Между ними все рождало споры

И къ размышленію влекло :

1) „Русскій Архивъ“ 1867 г.

2) „Русская Старина“ 1899 г., мартъ и апрѣль.

3) „Въ IV пѣснѣ „Евгенія Онѣгина“ я изобразилъ свою жизнь“ (письмо кн. Вяземскому).

Племеньъ минувшихъ договоры,
 Плоды наукъ, добро и зло,
 И предразсудки вѣковые,
 И гроба тайны роковыя,
 Судьба и жизньъ въ свою чреду,
 Все подвергалось ихъ суду.

Писаревъ въ свое время не безъ основанія глумился надъ Пушкинымъ за то, что поэтъ заставилъ своего героя вести споры о недоступныхъ его пониманію вещахъ. Иначе представляется дѣло, если мы поставимъ на мѣсто Онѣгина — Пушкина, а на мѣсто Ленскаго — Вульфъ. Пушкинъ, насколько мы его знаемъ въ настоящее время, и Вульфъ, съ которымъ мы только что познакомились, вполне въ состояніи были вести упомянутые споры. Самая характеристика Ленскаго въ многомъ напоминаетъ Вульфъ.

Въ свою деревню въ ту же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ
 По имени Владиміръ Ленскій,
 Съ душою прямо геттингенской,
 Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Поклонникъ Канта и поэтъ.
 Онъ изъ Германіи туманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,
 Всегда восторженную рѣчь
 И кудри черныя до плечъ.

Вульфъ, насколько извѣстно, не былъ поэтомъ, но и „геттингенская душа“¹⁾, и преклоненіе передъ Кантомъ, и „учености плоды“, и „вольнолюбивыя мечты“, и „духъ пылкій и довольно странный“ — все это могло быть у члена

1) А что такое „геттингенская душа“, — Пушкинъ зналъ на основаніи знакомства съ братьями Тургеневыми, закончившими свое образованіе въ геттингенскомъ университетѣ.

буршеншафта и было на самомъ дѣлѣ у Вульфа. Поэтому заслуживаютъ полнаго довѣрія слѣдующія строки изъ дневника Вульфа отъ 15 іюня 1833 года: „Съ большимъ удовольствіемъ перечелъ я сегодня 8-ю и вмѣстѣ послѣднюю главу „Онѣгина“, одну изъ лучшихъ главъ всего романа, который всегда останется однимъ изъ блистательнѣйшихъ произведеній Пушкина, украшеніемъ нашей литературы, довольно вѣрною картиною нравовъ, а для меня лично — источникомъ воспоминаній весьма пріятныхъ по большей части, потому что онъ не только почти весь написанъ въ моихъ глазахъ, но я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, въ губерніи Псковской. Такъ я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ. Многія изъ мыслей, прежде чѣмъ я прочелъ ихъ въ „Онѣгинѣ“, были часто въ бесѣдахъ глазъ на глазъ съ Пушкинымъ, въ Михайловскомъ, пересуждаемы между нами, а послѣ я встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ“ 1).

Итакъ, попытка Пушкина бѣжать черезъ Дерптъ за границу, письма и поэтическія посланія въ Дерптъ Языкову и дружба съ дерптскимъ студентомъ Вульфомъ, являющимся, до нѣкоторой степени, оригиналомъ Ленскаго, даютъ право заявить, что старый Дерптъ игралъ немаловажную роль въ жизни Пушкина, при томъ въ наиболѣе важный періодъ его жизни, именно во время пребыванія поэта въ селѣ Михайловскомъ, гдѣ Пушкинъ окончательно отрѣшился отъ подражательности и выступилъ на поприще національнаго творчества.

1) „Русская Старина“ 1899 г., мартъ, сс. 530—531.

Est.
A-9755
I